

П. В. ЖЕЛТОВ (Чебоксары)

ЛАБИАЛИЗАЦИЯ ФИННО-УГОРСКОГО **a*
В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract. Labialization of the Finno-Ugric **a* in the Mari Language

The article analyses the origin of the common Mari *o* (occurring in the Hill, North-Western, Meadow and Eastern Mari dialects), which corresponds to the Mordvin and Finnic *a* in common Finno-Ugric and genuine Mari words, as well as the opposition of the Hill and North-Western Mari *a* ~ Meadow and Eastern Mari *o* which manifests itself mostly in borrowings from the Bulgar-Chuvash language and partly in some borrowings from the Tatar language. It is concluded that the process of transformation of the Finnic-Volgaic **a* into the common Mari *o* (~ Mordvin *a*) must be distinguished from the development of the *a* ~ *o* opposition in certain Turkic loanwords used in Mari dialects, which is a later process. Nevertheless, the opposition of *a* ~ *o* in Mari dialects, despite being mainly manifested in Turkic loanwords, is not directly linked either with the possible opposition of *a* ~ *o/ô/u* in Bulgar dialects or with the opposition *a* ~ *a°* between Mishar and Kazan Tatar dialects. This is proved by the manifestation of the opposition *a* ~ *o* in those Chuvash loanwords occurring in Mari dialects, which could not originally have had it.

Keywords: Finno-Ugric languages, Mari language, labialization.

Лабиялизация общефинно-угорского *a* первого слога известна в ряде финно-угорских языков (марийском, коми, удмуртском, венгерском, хантыйском, мансийском). Считается, что **a* в основном без изменений сохранился в финском, карельском, эстонском и мордовских языках, в пермских перешел в *u*, а что касается угорских языков, то в венгерском он перешел в *á*, а в хантыйском и мансийском в *u*, например: морд. *kal*, мар. *kol*, фин. *kala*, эст. *kala*, [---] хант. *kul*, манс. *χul*, венг. *hal* < ф.-у. **kala* 'рыба' (Ермушкин 1989 : 36).

При этом **a* первого слога других финно-угорских языков в марийском (как в луговом и восточном, так и в горном и северо-западном диалектах) соответствует *o*, причем и в исконных финно-угорских словах, и в древних заимствованиях, а в болгаро-чувашских заимствованиях (с *o/ô/u* в современных чувашских диалектах) наблюдается соответствие марЛ, марВ *o* ~ марГ, марС-З *a*:

морд. *kal*, мар. *kol*, фин. *kala*, эст. *kala*, [---] венг. *hal* 'рыба' (исконное финно-угорское слово);

мордЭ *śado*, мордМ *śada* 'сто', мар. *šüdü* (*iü < *u < *o < *ā < *a*, см. UEW 467), фин. *sata* [---] (индоевропейское заимствование: < ур. *śata*, ср. древнеинд. *śatá-m*, см. UEW 467);

марЛ, марВ *šobätš* ~ марГ, марС-З *saβätš* 'платок' (булгаро-чувашское заимствование) ~ чув. верх. *çinoç*, чув. низ. *çinuç* (< чув. *çi* 'верх; поверхность' + чув. *noç/nyç* 'голова') 'внешность; наружность; внешний облик; одежда' (Ашмарин 1937 : 143—144), имеющее соответствие в других тюркских языках — тат. *өс-баиш* 'одежда', башк. *өç-баиш* то же, туркм. *үст-баиш* 'одежда; платье', аз. *üst-baş* 'одеяние; одежда' (< *өс/өç/үст/üst* 'верх; верхняя часть; верхняя сторона; поверхность' + *баиш/baş* 'голова').

Из примеров чередования *o ~ a* в марийских диалектах видно, что 1) огубление в исконно марийских словах общефинно-угорского происхождения произошло после распада финно-волжской языковой общности, т. е. после разделения мордовского и марийского языков, так как имеем морд. *kal* ~ мар. *kol* 'рыба', и до разделения марийских диалектов на «акающие» (горный и северо-западный) и «окающие» (луговой и восточный) — в этих словах во всех диалектах сохраняется *o*;

2) то же касается и древней заимствованной индоевропейской лексики: фин. *sata*, мордЭ *śado*, мордМ *śada* ~ мар. *šüdü* 'сто' (*iü < *u < *o < *ā < *a*, см. UEW 467);

3) разделение марийских диалектов на «акающие» и «окающие», проявляющееся главным образом в заимствованиях из булгаро-чувашского и татарского языков (Beke 1935; Steinitz 1944; Serebrennikov 1957; Bereczki 1969; Itkonen 1970; Ахметьянов 1978), не связано (по крайней мере напрямую) с возможным противопоставлением булг. *a* (по данным эпитафий) ~ чув. *o/u* и тем более с противопоставлением *a ~ ā* в татарских диалектах Поволжья, что доказывал Р. Г. Ахметьянов (1978 : 21, 45), так как а) марЛ, марВ *šobätš* ~ марГ, марС-З *saβätš* 'платок' с чувашским источником (чув. верх. *çinoç*, чув. сред., низ. *çinuç*) ясно показывает, что в чувашском слове (в первом слоге чув. *ši-* ~ марЛ, марВ *šo-* ~ марГ, марС-З *sa-*) фонема *a* исторически невозможна — для чув. *çi* 'верх' реконструируется праформа **ōçō < *ōstō* в болгарском языке, а также в раннем чувашском (до XV в. приблизительно), восходящая к общетюрк. **üst* 'верх; верхняя часть' (см. Севортян 1974 : 638—639); в чувашском языке кластер *-st'* закономерно переходит в *ś* в большинстве диалектов, причем это касается как исконно чувашских слов, так и заимствований, ср. чув. *каймасть* 'не идет; не пойдет' > чув. *каймаç* (большинство говоров и литературный язык); рус. *власть* → чув. *влаç* 'власть'; в пользу развития чув. *çi* 'верх' из чув. **ōçō < *ōstō < *üst* говорят сохранившиеся в чувашском языке варианты данного слова в составе чув. *çёлёк* 'шапка; венчальный венец; шишак; хохол' (у птиц) (средний и низовой диалекты, а также литературный язык) (Ашмарин 1937 : 64) < *çi* 'верх' + *-лёк* (~ *-лэх*) ~ чув. *ёçлек* 'шапка; хохол' (у птиц) (верховой диалект, говоры деревень Верхние Олгаши, Чуралькасы и Большое Карачкино, которые часто выделяют в т. н. северо-западные или сундырские говоры) (Ашмарин 1929 : 152) < *ёç* 'верх' + *-лёк* (~ *-лэх*), ср. также чередование *iü ~ ё* в чувашских говорах (верх., сред., низ.) *ýслёк* 'кашель' ~ сундыр. *ёслёк* то же (Малое Карачкино, Большое Карачкино) (Ашмарин 1929 : 138—139);

б) известно, что кыпчаки и татары вступили в тесные отношения с марийцами намного позже болгаро-чувашей, и следовательно, возможное кыпчакское диалектное противопоставление $a \sim \overset{\circ}{a}$ и мишар. $a \sim \overset{\circ}{a}$ каз.-тат. $\overset{\circ}{a}$ также не являются источником, повлиявшим на разделение и противопоставление марийских диалектов по принципу $a \sim o$, хотя этот процесс и мог быть поддержан мишарским диалектом (со стороны мишарей Нижегородской области) через мишарские заимствования в горномарийском диалекте (с a в первом слоге) и казанским (средним) диалектом татарского языка через казанско-татарские заимствования в восточном и луговом диалектах марийского языка (когда сильное огубленное a ($\overset{\circ}{a}$) в казанско-татарских заимствованиях воспринималось луговыми и восточными марийцами как o). Однако это произошло позднее XIII—XIV вв.

По ряду характерных заимствований в луговой, восточный, горный и северо-западный диалекты марийского языка, таких как марЛ, марВ *ола* 'город' ~ марГ, марС-З *ала* то же ← чув. верх. *хола* то же ← кыпчак. **qala* то же (> тат. *кала*, каз.-тат. *қала* то же) ← арабо-перс. *kałgā* (араб.) | *qalgā* (перс.), проникших не ранее золотоордынского периода (XIII—XIV вв.) сначала в болгаро-чувашский язык, а затем в марийские диалекты (что подтверждается выпадением начального чув. *x*- в данном слове, причем этот *x* имел уже тогда в верховом диалекте фрикативный, а не увулярный характер, так как увулярный чув. *χ* и тюрк. *q* передаются в финно-угорских языках Поволжья через *k* и не выпадают): вплоть до образования Казанского ханства (и даже позднее) чувашский язык служил как бы буфером при проникновении кыпчакских (а позднее и татарских) слов в марийские диалекты. Тесное общение между восточными и луговыми марийцами и казанскими татарами (а в их лице с кыпчакоязычными тюрками как таковыми) началось с образованием Казанского ханства. До того марийско-кыпчакские языковые контакты на восточной и луговой стороне были опосредованными — через болгаро-чувашский язык, а прямые контакты не носили массового характера. Таким образом, гипотеза кыпчакского влияния на разделение марийских диалектов на «окающие» и «акающие» не обоснована.

Источником данного явления вряд ли были и болгаро-чувашские диалекты, о чем свидетельствует трансформация чув. *çипоç/çипуç* (или скорее близкой болгаро-чувашской формы **çĕпоç/çĕпуç/çăпоç/çăпуç/çă̄поç/çă̄пуç* — вполне возможно, что в марийский язык попала уже выровненная по ряду и огублению форма, где *-ĕ-* первого слога перешло в *-ă/-ă̄-* под влиянием заднего гласного второго слога) в марЛ, марВ *šobăç* ~ марГ, марС-З *saβăts*.

При заимствовании из чувашского (или болгаро-чувашского) ударение под воздействием марийского произносительного узуса сместилось со второго (в чувашском источнике *šipós/šipús*) на первый слог, что привело к расширению — чув. *-ă/-ă̄-* в реконструируемой болгаро-чувашской форме, выровненной по заднему ряду и по огублению, в марийском трансформировалось в *o/a*, а чув. *-o/-u-* второго слога в результате переноса ударения, наоборот, редуцировались в мар. *ə/ə̄*.

Выводы

В марийском языке хронологически можно выделить

1) переход финно-волжского $*a$ (~ морд. a) в мар. o , который произошел после разделения финно-волжской языковой общности и после выделения из нее марийского и мордовского языков (т. е. в начале н. э.), и охватывает все диалекты марийского языка;

2) противопоставление марГ, марС-З $a \sim$ марЛ, марВ o , которое, видимо, началось гораздо позже (возможно, VII—VIII вв.) (З. Гомбоц, Ю. Вихманн, В. Штайнитц, Э. Итконен считали, что мар. диал. $a \sim o$ исторически восходят к прамар. a° , а М. Ряснен и Э. Беке, что они восходят к прамар. o , см. Грузов 1965 : 103).

Причины этих процессов пока не известны. Следует разделять переходы ф.-у. $*a > o$ в финно-волжских языках и $*a > o > u$ в финно-пермских и угорских языках, которые происходили независимо друг от друга (вопреки мнению Б. А. Серебренникова (Serebrennikov 1957 : 224—230)), так как в мордовском языке в этих словах имеем a . В финно-пермских и угорских (хантыйском и мансийском) языках процесс, видимо, либо начался раньше, чем в марийском (так как пошел дальше — $*a > *o > u$, а в марийском только $*a > o$), либо был ускорен какими-то внешними влияниями. В венгерском произошел переход $*a > \acute{a}$, что говорит о том, что $*a > *o > u$ в хантыйском и мансийском языках осуществился после разделения угорской языковой общности и выделения из нее венгерского, т. е. после IV—V вв., при этом венг. \acute{a} и его происхождение требуют дополнительных исследований.

Address

Pavel Želtov
Chuvash State University
E-mail: chnk@mail.ru

Сокращения

аз. — азербайджанский язык; **арабо-перс.** — арабо-персидские языки; **башк.** — башкирский язык; **верх.** — верховой диалект чувашского языка; **кыпчак.** — кыпчакский язык; **мишар.** — мишарский диалект татарского языка; **низ.** — низовой диалект чувашского языка; **сред.** — средний диалект чувашского языка; **сундыр.** — сундырские говоры чувашского языка; **туркм.** — туркменский.

ЛИТЕРАТУРА

- А х м е т ь я н о в Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарского и чувашского языков, Москва.
А ш м а р и н Н. И. 1929, Словарь чувашского языка, Чебоксары.
— — 1937, Словарь чувашского языка, Чебоксары.
Г р у з о в Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.
Е р м у ш к и н Г. И. 1989, Реконструкция первичного вокализма и консонантизма финно-волжской общности. — Финно-волжская языковая общность, Москва, 30—132.
С е в о р т я н Э. А. 1974, Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные, Москва.

- B e k e, Ö. 1935, Zur Lautgeschichte der tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — FUF XXIII, 66—84.
- B e r e c z k i, G. 1969, Die finnisch-ugrische Vokalismusstheorie von W. Steinitz und E. Itkonen und das Tscheremissische. — ALHung. XIX, 305—319.
- I t k o n e n, E. 1970, Bemerkungen über den Vokalismus der ersten Silbe von tschuwaschischen Lehnwörtern in einigen finnisch-ugrischen Sprachen. — FUF XXXVIII, 257—273.
- S e r e b r e n n i k o v, B. 1957, Zur Geschichte der *a*-Laute im Tscheremissischen und Tschuwassischen. — UAJb. XXIX, 224—230.
- S t e i n i t z, W. 1944, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm.